

★ Глава первая. Историография и источники по проблематике органов контрразведки «Смерш»

Переломный и завершающий периоды Великой Отечественной войны достаточно исследованы историками и отражены в научной и научно-популярной литературе. Неким итогом рассмотрения данной проблематики явился текст в соответствующих томах фундаментального издания «Великая Отечественная война 1941-1945 годов»¹. Сказанное имеет отношение прежде всего к описанию хода и исхода вооружённой борьбы, работы военной промышленности, всего народно-хозяйственного комплекса, а также состояния общества, деятельности партийных и государственных структур, роли выдающихся полководцев, Ставки ВГК и Государственного комитета обороны. Что же касается органов государственной безопасности, и в частности аппаратов военной контрразведки «Смерш», то исследования об их строительстве и функционировании стали открыто публиковаться с конца 1990-х гг. Отсутствие серьёзных публикаций в течение почти 50 лет объясняется рядом объективных и субъективных причин.

К первым следует отнести жёсткий режим сохранения в тайне реальных действий Главного управления контрразведки Наркомата обороны «Смерш» и его подчинённых аппаратов. Работа по рассекречиванию соответствующих документов многие годы почти не осуществлялась, а если и раскрывались фактические данные, то только по достаточно редким заданиям ЦК КПСС или руководства КГБ СССР. Кроме того, в советский период действовала система идеологических табу, что практически не позволяло описать борьбу органов госбезопасности с такими явлениями, как измена Родине в форме перехода отдельных военнослужащих Красной армии и флота на сторону врага, негативные процессы в политико-моральном состоянии войск, дезертирство, членовредительство, совершение солдатами, офицерами и даже некоторыми генералами иных правонарушений, ответственность за которые определялась Уголовным кодексом РСФСР и соответствующими кодексами союзных республик. Нельзя было упоминать о бездарных действиях отдельных командиров и начальников, небоевых потерях личного состава и т.д. Многие элементы собственно

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12-ти томах. М.: Кучково поле. 2011-2015.

контрразведывательной деятельности (оперативно-разыскные мероприятия, фильтрация военнослужащих, ранее бывших в плену либо вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах, радиогрифы с разведслужбами врага, проникновение в их агентурный аппарат, спецшколы и т.д.) не могли быть раскрыты в изданиях, на которых отсутствовал гриф секретности.

Субъективные причины коренились в личностных установках вождей ВКП(б) — КПСС, а также негативном отношении ряда военачальников к органам госбезопасности в целом и к конкретным их представителям в частности.

Свой отпечаток на исторические исследования накладывали кампании по дискредитации тех, кого в хрущёвский период нашей истории называли бериевскими прихвостнями и абакумовцами. Развернувшаяся через несколько месяцев после смерти И.Сталина и особенно в связи с арестом Л.П.Берии кампания шельмования многих чекистов продолжалась волнами почти полтора десятка лет. Она значительно усилилась после принятых на XX съезде КПСС решений. Прежде всего кампания затронула офицеров и генералов, занимавших руководящие должности в структурах НКВД, НКГБ и в системе Главного управления контрразведки «Смерш». А ведь многие из них внесли весомый вклад в дело обеспечения государственной безопасности нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

В связи со сказанным обращу внимание читателей на постановление Совета народных комиссаров СССР от 26 мая 1943 г. «О присвоении воинских званий начальствующему составу Красной армии»². В этом документе указаны фамилии тех, кто занял посты заместителей начальника ГУКР «Смерш», руководителей структурных подразделений Главка, фронтовых и некоторых армейских аппаратов военной контрразведки. Так вот, практически все они в начале 1950-х годов были уволены из советских спецслужб, многих лишили генеральских званий и государственных наград. Около десяти человек по надуманным обвинениям подверглись аресту и длительному содержанию под следствием. А обвинялись они ни много ни мало в контрреволюционном преступлении, предусмотренном статьёй 58-16 Уголовного кодекса РСФСР, то есть в измене Родине, совершённой военнослужащим. Трёх генералов приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Насколько известно, попытки реабилитировать расстрелянных неоднократно предпринимали их родственники, но безуспешно. К примеру, уголовное дело в отношении начальника ГУКР «Смерш» В.С.Абакумова пересматривали два раза. В итоге с него всё-таки сняли обвинения в шпионаже, но не реабилитировали полностью. Военная коллегия

² Правда. 26 мая 1943.

Верховного Суда посчитала доказанным превышение им служебных полномочий и злоупотребления по службе. Это, по моим сведениям, касается лишь периода, когда он занимал должность министра госбезопасности СССР (1946-1951), но не относится ко времени Великой Отечественной войны. То же самое можно сказать и о других чекистах, находившихся в начале 1950-х годов под следствием.

Уголовные дела на осуждённых (включая и В.С.Абакумова) до сих пор недоступны исследователям: не истекли ещё 75 лет со времени вынесения приговора. Именно такой срок определён соответствующими нормативными актами. А архивисты обязаны их исполнять, что и делают на практике.

Возможно, следователи при производстве допросов арестованных не затрагивали вообще, либо не детализировали информацию, связанную с проведением последними конкретными мероприятиями, имевших отношение к оперативной и следственной работе органов военной контрразведки в 1941-1945 гг. И всё же историкам крайне важно изучить всё, что отражено в протоколах о периоде военного времени, когда обвиняемые (ещё находясь на своих ответственных должностях) принимали решения по зафронтовым агентурным делам, радиограмм с немецкой разведкой, следственным, организационно-кадровым и иным вопросам, входившим в круг их компетенции. Такого рода фрагменты из протоколов допросов могли бы стать паллиативным источником интересной исторической информации, в какой-то степени заменить мемуары.

Ведь даже те, кто в ранний период руководства страной Н.С.Хрущёвым не был доведён следователями и судебными инстанциями до расстрела, никаких мемуарных записок не оставили. Не до мемуаров было, к примеру, чекисту с 1919 г. генерал-лейтенанту М.И.Белкину (бывшему начальнику УКР «Смерш» Северо-Кавказского, а затем 3-го Прибалтийского фронта) и генерал-лейтенанту А.А.Вадису, возглавлявшему последовательно органы военной контрразведки Центрального и 1-го Белорусского фронтов, а также УКР «Смерш» Группы советских оккупа-

М. И. Белкин

ционных войск в Германии. В начале 1950-х годов их, как и многих других чекистов, не только лишили генеральских званий, правительственных и ведомственных наград, но также пенсий и даже полученного на законных основаниях жилья. Михаил Ильич Белкин до конца своих дней трудился в Москве рядовым рабочим на автозаводе имени И.А.Лихачёва, а Александр Анатольевич Вадис работал сторожем одного из институтов и проживал в переполненной коммунальной квартире.

Кто бы в то время поверил написанному заслуженными контрразведчиками? Ведь уже был напечатан и широко обсуждался в определённых кругах интеллигенции рассказ А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича»³. Этот рассказ был даже представлен к Ленинской премии с одобрения, кстати говоря, первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущёва⁴.

Главный герой рассказа Солженицына рядовой солдат Иван Шухов якобы вынужден был признаться в шпионаже в пользу немецкой разведки под угрозой расстрела со стороны оперативных работников и следователей Особого отдела НКВД одной из армий. Другой персонаж этого же рассказа, капитан 2-го ранга Буйновский, — ещё одна жертва контрразведчиков периода войны.

Авторы многих других художественных произведений и газетно-журнальных статей конца 1950-х — конца 1960-х гг., пусть менее талантливые и раскрученные, чем Солженицын, а также и герои их творений имели, как правило, «общие элементы биографий» — якобы совершенно безвинно пострадали, ощутив на себе репрессивные действия сотрудников «Смерша» или органов НКВД — НКГБ. Возможно, в отдельных случаях так оно и было: военные условия, конечно же, не могли не сказываться на тщательности расследований, не способствовали детальной реконструкции реальной картины случившегося с тем или иным военнослужащим, подозреваемым в совершении преступления.

По моему мнению, реальным отрицательным эффектом было далеко не то, что масса публикаций о неправомερных действиях, допущенных чекистами, заполонила печатные издания в хрущёвские вре-

³ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. // Новый мир. 1962. №11. С. 8-71. Вечером 18 ноября 1962 г. был отпечатан первоначальный тираж журнала. 19 ноября около 2 тысяч экземпляров завезли в Кремль. А через несколько дней по решению ЦК КПСС отпечатали ещё 25 тысяч экземпляров. Затем рассказ переиздали в «Роман-газете», а в 1963 г. издали отдельной книгой (тираж 100 тысяч экземпляров).

⁴ Идеологический отдел ЦК КПСС в апреле 1964 г. включил рассказ А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в список произведений, за которые полагалась Ленинская премия. И Хрущёв утвердил данный список.

мена и таким образом негативно сказалась на общественном мнении относительно советских органов госбезопасности. Главное состояло в притуплении интереса историков и публицистов к тематике деятельности отечественных спецслужб в годы войны. Не стала исключением и структура военной контрразведки. Практически было дезавуировано всё положительное в работе сотрудников особых отделов и органов «Смерш», не предпринимались даже попытки оценить их вклад в нашу Победу.

Ситуация постепенно начала изменяться в 1967 г. после назначения на пост председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова. Он понимал, надо полагать, что общественное мнение было не на стороне чекистов. Негативные публикации об органах ВЧК — МГБ в предшествующие годы дали свои плоды. Предстояло сделать многое для изменения сложившегося положения. Но, как это часто бывает, некоторые офицеры из аппарата Юрия Владимировича, отдельные ветераны разведки и контрразведки явно перестарались — в публикуемых художественных и публицистических произведениях наметился перекос в сторону создания отлакированных образов сотрудников органов государственной безопасности.

Чтобы убедиться в правильности моего вывода всем, кто интересуется историей советских спецслужб, достаточно прочитать очерки, опубликованные в сборнике, посвящённом 60-летию советской военной контрразведки⁵. Празднование юбилеев есть особый феномен. В эти дни говорить о сложностях и ошибках, а тем более признавать их в печатных изданиях тогда не было принято, считается дурным тоном и сейчас. Видимо поэтому составители указанного выше сборника даже не попытались найти «бериевцев» и «абакумовцев», а конкретно бывших руководителей ГУКР «Смерш» и фронтовых аппаратов, чтобы предложить им написать воспоминания о военной контрразведке в годы Великой Отечественной войны. Исключением является короткий очерк бывшего начальника УКР «Смерш» Брянского и 1-го Прибалтийского фронтов генерал-лейтенанта Н.И. Железникова⁶. Некоторые из бывших ответственных работников «Смерша» были ещё не так стары, проживали в Москве и других крупных центрах. Установить контакт с ними было несложно. Однако реальный шанс внести нечто новое в изучение деятельности чекистов в годы Великой Отечественной войны был упущен. Ко всему этому добавлю, что вопрос о рассекречивании необходимых документов для сборника даже не ставился. Считалось, что публицистических очерков и отрывков воспоминаний

⁵ Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК — КГБ 60 лет. М.: Воениздат, 1978.

⁶ Железников Н.И. Ночной бой в Риге. // Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК — КГБ 60 лет. С. 338-340.

отдельных чекистов достаточно. Ведь редакционную коллегию возглавил заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Г.К.Цинев⁷. Этот человек был далёк от чекистских традиций, вообще не считал, что таковые существуют. Придя в органы военной контрразведки на волне так называемого партнабора, он практически все годы работы в органах госбезопасности не воспринимался профессионалами разведки и контрразведки как свой. Мне представляется, что Цинев и не стремился встать в их ряды, не хотел даже вспоминать о своих предшественниках в системе особых отделов. Зато, как вспоминал один из руководящих сотрудников 3-го Главного управления КГБ СССР генерал-майор Б.В.Гераскин, Цинев очень ценил подхалимов и угодников, которые не задавали ему сложных вопросов⁸.

В 1988 г. к очередному юбилею органов военной контрразведки партком 3-го Главного управления — военной контрразведки КГБ СССР предпринял необходимые усилия для сбора письменных свидетельств участников войны из числа ветеранов-чекистов. Но публиковать их было признано нецелесообразным. Мне, занявшему через два года должность заместителя начальника аналитического отдела Главка, отвечавшего в числе иных важных вопросов информационного обеспечения работы военной контрразведки и за контакты с ветеранами военной контрразведки, военно-историческими подразделениями МО СССР, а также с армейской прессой, удалось после известных событий августа 1991 г. сохранить часть воспоминаний фронтовиков, которые я использую при написании текста монографии, представляемой читателям. Но сразу хочу отметить, что указанные воспоминания подготовили бывшие смершевцы, которые занимали должности в звене органов контрразведки армия — дивизия, и поэтому, что вполне естественно, владели ограниченным объёмом сведений о деятельности особых отделов — органов «Смерш» в годы Великой Отечественной войны.

⁷ Цинев Георгий Карпович (1907-1996). С 1939 г. на партийной работе вплоть до должности второго секретаря Днепропетровского горкома КП(б) Украины. С началом войны служил в политорганах РККА. На 1945 г. он занимал должность начальника политотдела 3-го Украинского фронта. В сентябре 1953 г. после увольнения многих руководящих сотрудников органов госбезопасности, хотя и не имел никакого опыта чекистской работы, был сразу же назначен начальником Управления особых отделов МВД в Группе советских оккупационных войск в Германии. С 1964 г. занимал должность заместителя начальника 3-го управления (военной контрразведки) КГБ при СМ СССР, а затем начальника этого управления. В 1970 г. стал заместителем председателя КГБ, затем 1-м заместителем главы чекистского ведомства, курирующим военную контрразведку.

⁸ Гераскин Б.В. Военная контрразведка и армия. Записки ветерана органов военной контрразведки. М.: Кучково поле, 2011. С. 327.

Я знал от ветеранов о проживании в Москве уже упомянутого выше бывшего заместителя В.С.Абакумова — Николая Николаевича Селивановского. Доложил своему куратору — первому заместителю начальника Главка контр-адмиралу П.Ф.Дубровину о желательности встретиться со старым (в прямом и переносном смысле слова) чекистом и записать его рассказы. Вскоре наша встреча состоялась. Так в моём распоряжении оказались воспоминания этого без всякого преувеличения талантливого военного контрразведчика. Позже с ветераном побеседовал и мой коллега из Высшей школы КГБ СССР Павел Поздеев. Фрагменты наговорённого Н.Н.Селивановским на диктофон он опубликовал в журнале «Москва» в год празднования 70-летия Великой Победы⁹. К сожалению, его воспоминания касались почти исключительно событий периода Сталинградской битвы и не затрагивали работу в аппарате ГУКР «Смерш», руководство опергруппами в Польше и другие важные события. Опубликованное интервью с Н.Н.Селивановским — фактически единственное воспоминание одного из руководителей ГУКР НКО «Смерш».

Своими воспоминаниями поделился с писателем К.Столяровым бывший начальник Управления контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта генерал армии П.И.Ивашутин¹⁰. Однако последний был опрошен автором книги по узкому вопросу — о личности В.С.Абакумова, а не о работе военной контрразведки в годы войны. Поэтому практически ничего нового к истории особых отделов-органов «Смерш» генерал не добавил. Да и не любил он по какой-то причине вспоминать прошлое. Это я для себя уяснил, когда пытался уточнить у него в конце 1990-х годов сложную историю сотрудничества с органами госбезопасности и непростую дальнейшую судьбу одного из зафронтовых агентов, работу с которым (судя по имевшимся у меня документам) Пётр Иванович лично контролировал в 1943-1944 гг.¹¹

Если контрразведчики не оставили воспоминаний, то я попытался найти некоторые сведения о их борьбе с вражескими спецслужбами, а также по иным вопросам обеспечения высокой боеготовности советских войск в мемуарах военачальников и политработников. Безуслов-

⁹ Селивановский Н.Н. Так это было. // Москва. №5. 2015. Интервью с П.Поздеевым. Поскольку рассказ Н.Н.Селивановского интервьюеру по наиболее значимым для истории военной контрразведки вопросам совпадает в основных чертах с моей записью беседы, то буду по тексту использовать уже опубликованный материал.

¹⁰ Столяров К.А. Палачи и жертвы. М.: Олма-пресс, 1998. С. 110-113.

¹¹ Речь идёт о бывшем военнопленном Красной армии, полковом враче Михайловском, передававшем военным контрразведчикам 3-го Украинского фронта информацию о деятельности немецкого разведоргана «Цепелин-Юг». О нём будет рассказано в разделе, посвящённом зафронтовой работе.

но, я не надеялся на достаточно объёмные фрагменты. За последние несколько лет внимательно ознакомился с текстом более чем двух десятков книг, выпущенных Воениздатом в период 1960-1990-х гг. Это воспоминания военачальников и политработников разного уровня — организаторов и исполнителей разгрома сил вермахта, а также и воинских формирований германских сателлитов в Сталинградском сражении, Курской битве, в ходе «десяти сталинских ударов» в 1943 и 1944 гг., освобождения Европы, взятия Берлина.

И каковой же оказалась общая картина? Мои осторожные предположения и надежды не подтвердились. В большинстве своём маршалы и генералы предпочли в мемуарах вообще не упоминать о реальной помощи, которую им оказывали военные контрразведчики. И это при том, что, судя по прочитанным мною в архивохранилищах ФСБ России их резолюциям на спецсообщениях управлений и отделов «Смерша», информация от указанных структур оценивалась в 1943-1945 гг. достаточно высоко. Учёт выявленных чекистами недостатков и упущений помогал командованию в деле повышения эффективности подготовки и проведения оборонительных и наступательных операций. О работе по пресечению деятельности агентуры противника в войсках и фронтовом тылу и говорить не приходится. Перекрытие каналов утечки к врагу сведений о замыслах и планах командования, предотвращение диверсий, террористических актов в отношении офицерского состава, минимизация случаев перехода военнослужащих на сторону противника позволили сохранить жизни многих тысяч наших бойцов.

Воспоминания военачальников начали публиковаться с 1960-х годов. Отношение мемуаристов к органам военной контрразведки должны были по логике вещей определять соответствующие пассажи из изданного в 1965 г. фундаментального шеститомного исторического труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945»¹². Подзаголовок последнего (шестого) тома — «Итоги Великой Отечественной войны» указывал на то, что в тексте содержится выводная информация. Сразу замечу: всем структурам советских органов государственной безопасности и внутренних дел уделено только восемь страниц, а конкретно военной контрразведке — чуть более двух. Но количество страниц далеко не всегда определяет важность тех или иных сюжетов. Главное состояло в другом. Авторы доводят до читателей два основных утверждения, а именно: 1) на эффективности работы всех структур госбезопасности отрицательно сказывался тот факт, что ими руководила «банда Берии»; 2) чекисты только потому и смогли победить немецкие спецслужбы, что над контрразведкой

¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М.: Воениздат, 1965.

осуществлялся непрерывный контроль со стороны большевистской партии. Относительно органов военной контрразведки конкретно указывалось на постоянное влияние командования, военных советов, политических органов, а также войсковых партийных и даже комсомольских организаций¹³.

От ветерана 3-го Главного управления КГБ СССР участника Великой Отечественной войны полковника в запасе Б.А.Сыромятникова мне стало известно, что в 1963 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил первый вариант шеститомника «История Великой Отечественной войны Советского Союза». В рукописи, как оказалось, вообще не нашлось места органам госбезопасности. В редакционную комиссию входили более десяти маршалов и генералов, которые не посчитали нужным внести в текст необходимую информацию о деятельности чекистов.

Объективности ради отмечу, что полный текст предполагаемого издания был всё же направлен для рассмотрения, внесения необходимых изменений и дополнений в КГБ при СМ СССР. Что произошло дальше, видно из подготовленных по моему совету и опубликованных в 2009 г. воспоминаний Б.Сыромятникова. Приведу фрагмент его текста:

«Летом 1963 года мне — в тот период сотруднику второго отдела управления военной контрразведки — генералом И.А.Фадейкиным было предложено провести оценку макета VI тома, подготавливаемого к изданию Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС... “Истории Великой Отечественной войны”. Ознакомившись целиком с содержанием этого тома, я был поражён и возмущён тем, что в этом томе подробно излагалась деятельность прокуратуры, военных трибуналов, наркомата юстиции и др. и не нашлось ни одного слова о реальном вкладе органов военной контрразведки в победу, одержанную в этой войне (конечно, были упущения и нарушения, но разве вклад можно было отрицать). По результатам исследования этого тома и по имеющимся у меня документальным материалам, в частности по документам, содержащим положительные отзывы командующих фронтами и армиями, я подготовил справку, которую доложил начальнику управления Фадейкину. Фадейкиным моя справка была доложена председателю КГБ В.Семичастному. Им эта справка переправлена в Институт истории... поступило предложение направить имеющиеся материалы по этому вопросу в редакцию. Их было поручено готовить мне. Они должны были быть строго документальными, поэтому я около трёх месяцев работал в Центральном архиве КГБ. Справка по документам была подготовлена с грифом “Секретно”, потому что в ней использо-

¹³ Там же. С. 137.

вались закрытые материалы (в случае включения этих материалов в открытое издание должно было проводиться их рассекречивание) без подписи, в качестве рабочего материала объёмом 76 машинописных листов они были направлены в редакцию.

Тогда же Центральный архив КГБ СССР направил в редакцию доста копий секретных документов бывшего ГУКР «СМЕРШ» о борьбе военных контрразведчиков с агентурой противника, дезертирами, изменниками Родины в годы Великой Отечественной войны. Ряд документов принадлежал внешней разведке НКВД и Главному управлению пограничных войск НКВД СССР... В макете VI тома шеститомника досталось не только органам государственной безопасности и органам военной контрразведки, но и Генеральному штабу. Грубо искажались многие события Великой Отечественной войны. Очевидно, что эти измышления сочинялись в угоду Никите Сергеевичу и с его подачи. 14 октября 1964 года Хрущёв Пленумом ЦК был освобождён от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС. Перед редакцией сразу же встал вопрос, что подготовленный «труд» к изданию непригоден. Что делать? Начинать составлять заново или наскоро провести корректировку наиболее одиозных мест? Остановились на последнем варианте. Шеститомник вышел в 1965 году. Кто имел возможность сравнить первый макет шеститомника 1963 года и изданный в 1965 году, мог убедиться, как многие авторские оценки поменялись на противоположные. Но органам военной контрразведки не особенно повезло. Автором мизерной по объёму и содержанию статьи явился работник Института истории некто Сергей Крылов, ранее изгнанный из Высшей школы КГБ за систематический плагиат. Так он поступил и на этот раз. Не работая ни одного дня в архиве, он переписал фактические данные из подготовленной мною справки, придав им иное толкование. В основном все хрущёвские оценки сохранились, но они приняли лишь форму замалчивания наиболее ярких эпизодов, связанных с оперативной и боевой деятельностью фронтовых контрразведчиков... Не были использованы в издании и документы внешней разведки, которые, в частности, полностью опровергали тезис о внезапности нападения»¹⁴.

Деятельности органов госбезопасности СССР за все годы войны в шеститомнике, увидевшем свет в 1965 г., уделено, как выше уже было отмечено, всего около восьми страниц в заключительном томе¹⁵. А если выделить фрагменты о деятельности военной контрразведки, то это составит не более двух страниц. И даже этот краткий текст изобилует явно политизированными оценками хрущёвского време-

¹⁴ Сыромятников Б.А. Трагедия «Смерша». Откровения офицера-контрразведчика. М., 2009. С. 6-8.

¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 133-141.

ни типа: органы госбезопасности не сумели в нужной мере очистить страну перед войной от немецко-фашистских шпионов и диверсантов; банда Берии не давала развернуть контрразведывательную работу; с началом войны партийные органы усилили контроль за системой НКВД, и только после этого она якобы начала добиваться успехов в тайной войне.

Из более чем двадцати руководителей фронтовых аппаратов военной контрразведки периода Великой Отечественной войны упомянуты в тексте лишь трое. О начальнике Главного управления контрразведки НКО «Смерш» генерал-полковнике В.С.Абакумове и его заместителях¹⁶ вообще не говорится. Нет сведений даже о сотрудниках «Смерша», которым посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Однотомник «Великая Отечественная война Советского Союза», выпущенный «Воениздатом» в 1965 г., практически не содержит конкретных фактов и даже упоминаний о работе чекистов, включая и военных контрразведчиков.

Про существование Управления особых отделов НКВД, а позднее Главного управления контрразведки НКО «Смерш» как руководящих центров вообще ничего не сказано. Ведь глава ведомства В.С.Абакумов был причислен к «банде Берии» и поэтому вычеркнут из истории войны. Из всех начальников особых отделов — управлений контрразведки «Смерш» фронтового уровня в историческом

Н.Г. Ханников

труде упомянуты только трое: Я.А.Едунов, Н.И.Железников и Н.Г.Ханников. Следовательно, если авторам мемуаров очень уж хотелось, то именно о них и следовало упоминать в своих воспоминаниях¹⁷. Почему эти три руководителя не зачислялись в «фигуры умолчания», в принципе понятно. Известно, к примеру, что генерал-лейтенант Н.Г. Ханников ушёл из жизни в 1948 г., то есть за несколько лет до начала репрессий в отношении тех, кто служил под началом В.С.Абакумова.

Другой генерал-лейтенант — Я.А.Едунов — уволился из чекистских органов по состоянию здоровья. Лично в близких отношениях с В.С.А-

¹⁶ Толконюк И.А. Раны заживают медленно. Записки штабного офицера. М.: Центрполиграф, 2017.

¹⁷ Там же. С. 140.

бакумовым как с начальником ГУКР «Смерш» министром госбезопасности не был. Н.И.Железников в центральном аппарате МГБ никогда не служил. В 1961 г. ушёл с оперативной работы и возглавил факультет в Высшей школе КГБ при СМ СССР¹⁸. Но даже этих трёх начальников фронтовых управлений «Смерш» в воспоминаниях военных я не нашёл. Добавлю к сказанному, что в рассматриваемый фундаментальный исторический труд можно было добавить, к примеру, фамилию генерал-майора в запасе В.Е.Зарелуа. Он во время войны был начальником Особого отдела — ОКР «Смерш» 46-й армии и Черноморской группы войск. Был, как сам отмечал в одной из опубликованных статей, в прекрасных отношениях с начальником армейского политического отдела полковником Л.И.Брежневым¹⁹. Как известно, этот политработник в конце 1964 г. возглавил компартию Советского Союза и мог бы не допустить каких-либо репрессивных действий в отношении боевого товарища.

Многие мемуаристы — военачальники и политработники занимали после Великой Отечественной войны высокие командные и политические должности, зачастую являлись членами Центрального комитета Коммунистической партии или кандидатами в данный партийный орган и в этом качестве голосовали за решения съездов и пленумов ЦК КПСС в хрущёвский период. А тогда, как известно, врагами трудового народа и даже более того — агентами иностранных разведок были объявлены многие высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности, которые в период войны трудились в военной контрразведке.

О мемуарах Маршала Советского Союза Г.К.Жукова и говорить не приходится. Я заранее предполагал, что военным чекистам в них места не найдётся. Ведь маршал находился в острых конфликтных отношениях с рядом руководителей из «Смерш» — МГБ. Пожалуй, единственным исключением являлся заместитель министра внутренних дел, а позднее первый председатель КГБ при СМ СССР генерал-полковник И.А.Серов. Последний начиная с довоенного времени конфликтовал с В.С.Абакумовым и зачастую опирался на поддержку маршала Г.К.Жукова в противостоянии с главой военной контрразведки «Смерш».

Г.К.Жуков обоснованно полагал (в том числе и по информации И.А.Серова), что И.В.Сталин, а позднее и Н.С.Хрущёв давали задание

¹⁸ Железников Н.И., как и многие другие руководители фронтовых аппаратов «Смерш», своих мемуаров не оставил. Он всего лишь на трёх страницах сборника очерков и воспоминаний описал один случай из оперативной практики. См. Железников Н.И. Ночной бой в Риге. // Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК — КГБ 60 лет. М., 1978. С. 338-340.

¹⁹ Зарелуа В.Е. Обороняя Кавказ. // Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК — КГБ 60 лет. М.: Воениздат, 1978. С. 226.

органам госбезопасности вести оперативную разработку не только самого маршала, но и его близких связей из числа офицеров и генералов. Абсолютно ясно это стало после арестов нескольких близких к нему людей²⁰.

В свою очередь маршал тоже не бездействовал. Ведь именно он организовал и лично участвовал в аресте Л.П.Берии.

Объяснимо, что не было желания упоминать о работе военных контрразведчиков у Маршала Советского Союза К.А.Мерецкова. Ведь он в самом начале войны подвергся аресту и испытал на себе жёсткие методы следователей НКВД. Правда, причины ареста и последовавшего 6 сентября 1941 г. освобождения до сих пор вызывают вопросы у историков. Но это отдельная тема. Здесь лишь укажу на отсутствие в мемуарах Кирилла Афанасьевича даже каких-либо намёков на работу Особого отдела — УКР «Смерш» Волховского фронта, которым будущий маршал командовал практически всю войну. По крайней мере из архивных материалов ФСБ России известно, что как минимум о ходе расследования предательства генерала Власова и вообще трагедии 2-й ударной армии в 1942 г. начальник Особого отдела фронта старший майор госбезопасности Д.И.Мельников регулярно информировал командующего фронтом. Сохранилось достаточно много спецсообщений Особого отдела — УКР «Смерш» фронта о вскрытии подрывных и шпионских акций противника, недостатках в боеготовности войск фронта. Здесь уместно добавить, что генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Мельников не классифицировался как участник «группы абакумовцев», не обвинялся в нарушении соцзаконности, а посему репрессиям не подвергался и в 1955 г. уволился из органов госбезопасности по болезни. И тем не менее он, а также его подчинённые остались у К.А.Мерецкова «фигурами умолчания» во всех пяти изданиях его мемуаров²¹.

Не пожалел бранных слов в адрес работавших в предвоенные годы сотрудников органов госбезопасности, и в частности военной контрразведки, генерал армии А.Горбатов. В своих мемуарах, опубликованных ещё в 1964 г., он не внял призывам цензоров и оставил в тексте описание обстоятельств своего ареста в 1938 г., процедуры допросов в Лефортовской тюрьме и время пребывания в лагерях. А вот о том, кто решил вопрос о его освобождении и реабилитации, о восстановлении в прежнем воинском звании и в кадрах Красной армии, умолчал. А это был нарком внутренних дел Л.П.Берия. А.Горбатов прошёл мимо того факта, что первое назначение его на должность командующего армией состоялось только после того, как за него поручился началь-

²⁰ Гераскин Б.В. Указ. соч. С. 90, 93.

²¹ Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. 5-е изд. М.: Политиздат, 1988.

ник Особого отдела Сталинградского фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.Н.Селивановский²². Однако ради справедливости надо отметить, что А.Горбатов не только упомянул начальника отдела контрразведки «Смерш» 3-й армии (которой до конца войны командовал) — полковника А.А.Вяземского. Генерал положительно отозвался о нём, а также с благодарностью отметил вклад его подчинённых в проведённые армией операции. Поскольку положительные оценки чекистов в мемуарах военачальников достаточно редки, хочу процитировать слова командарма: «Большую работу провели, оберегая армию от проникновения в её ряды разведчиков противника и другой нечисти, контрразведчики отдела контрразведки «Смерш» во главе с её начальником, человеком безукоризненной честности, интеллигентности и образованности, полковником Александром Александровичем Вяземским²³. Надо сказать, что между нами сохранились самые добрые отношения и сейчас, А.А.Вяземский живёт в Киеве и, бывая в Москве, никогда не обойдёт наш дом»²⁴.

Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский в конце 1930-х годов тоже подвергся необоснованной репрессии. Вполне вероятно, что этот факт сказался на подготовке им рукописи своих мемуаров²⁵. В отличие от генерала А.Горбатова, маршал даже не упомянул ни о том, что находился под арестом в НКВД, ни вообще о репрессиях среди военных. Он сосредоточился на описании подготовки и проведения разного рода боевых операций. При этом Константин Константинович считал правильным рассказать о многих своих коллегах — начальниках и подчинённых. Вот, к примеру, кого он вспоминает из генералов и старших офицеров, привлечённых к разработке плана одной из операций Донского фронта: члена Военного совета фронта К.Ф.Телегина,

²² Селивановский Н.Н. Так это было. // М. Москва. №5. 2015. Интервью с Н.Селивановским, записанное П.Поздеевым.

²³ Вяземский Александр Александрович (1908-?). Уроженец Костромской губернии, русский. Окончил шесть классов школы, два курса строительного техникума и первый курс строительного института в Ленинграде, военно-техническую школу и Военно-воздушную академию имени Жуковского. В органах военной контрразведки с января 1939 г. Занимал должности начальника Особого отдела армии, заместителя начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта, начальника ОО НКВД Забайкальского фронта. С мая 1943 г. начальник отдела контрразведки «Смерш» 3-й армии. До 1952 г. продолжал службу в органах госбезопасности. Награждён знаком «Заслуженный работник НКВД». Правительственные награды: три ордена Красного Знамени, орден Кутузова 2-й степени, два ордена Красной Звезды и восемь медалей. // Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности 1941-1954. Справочник. М.: Звенья, 2010. С. 269-270.

²⁴ Горбатов А. Годы и войны. Записки командарма 1941-1945. М.: Центрполиграф, 2008. С.334, 420, 421.

²⁵ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Вече, 2017.